

Научная статья

УДК 930.85 (882)

https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_232

Л. В. Крошкина

Символ как сопряжение с «самым главным», или вопрос о «методе» Сергея Аверинцева

Лидия Владимировна Крошкина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,

lida.kroshkina@gmail.com

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена исследовательскому подходу академика С. С. Аверинцева, широко обсуждаемому в современной гуманитарной науке. «Метод» Аверинцева — одна из проблем в современной теории и истории культуры — рассматривается с опорой на обозначенные известными современными учеными принципы его подхода. Данная статья направлена на рассмотрение одного из центральных в научных текстах Аверинцева понятия — символ, истолкование которого, по мнению ученого, — цель исследователя-гуманитария. Методы статьи: сравнительный — направлен на выявление особенностей понимания символа относительно других концепций (например Пауля Тиллиха); контекстный — определяет дисциплинарные границы (или их отсутствие) понятия «символ»; богословский — позволяет выявить вероучительные основания определений Аверинцева; структурно-практический — показывает действенность подхода Аверинцева, соответствие заданного им методологического вектора конкретному исследованию одного из базовых символов русской духовной культуры — Софии-Премудро-

© Крошкина Л. В., 2024

сти. Символ в представлениях Аверинцева не просто универсальная категория эстетики, но форма христианского мышления и восприятия, имеющая догматическую основу. Его суть — в «сопряжении» здешнего и «иного» миров, в схождении смысла в предмет, совершающегося, подобно боговоплощению, «неслиянно и нераздельно», в соответствии с халкидонским догматом. Состав и структура символа, таким образом, задает гуманитария, филологу, культурологу, философу или богослову методолого-этическую норму. В качестве иллюстрации в статье приводится анализ работы С. С. Аверинцева «К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской», в котором показывается актуальность и плодотворность символалогии Аверинцева.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: теология культуры, теологическая эстетика, понимание, символ, премудрость, София, смысл, метод, сопряжение

для цитирования: Крошкина Л. В. Символ как сопряжение с «самым главным», или вопрос о «методе» Сергея Аверинцева // Вестник Свято-Филаретовского института. 2024. Т. 16. Вып. 1 (№ 49). С. 232–246. https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_232.

L. V. Kroshkina

The symbol as a conjugation with the “most important” or the question of Sergei Averintsev’s “method”

Lidia V. Kroshkina

Russian State University of Humanities, Moscow, Russia, lida.kroshkina@gmail.com

ABSTRACT: The article is dedicated to the research approach of academician S.S. Averintsev, which is widely discussed in modern humanitarian science. Averintsev’s “method” is one of the problems in modern theory and history of culture. In this article it is considered basing on the principles of his approach outlined by famous modern scientists. Averintsev’s “method” is one of the problems in modern theory and history of culture. In this article it is considered basing on the principles of Averintsev’s approach outlined by famous modern scientists. The purpose of the article is to consider a symbol, the central concept of Averintsev, the interpretation of which, according to the scientist, is the main aim of a humanitarian researcher. The research methods used in the article are: comparative — so that to identify the peculiarities of understanding the symbol relative to other concepts (for example, Paul Tillich); contextual — to define disciplinary boundaries (or their absence) of the concept symbol;

theological — to identify the doctrinal foundations of Averintsev's definitions; structural-practical — to show the effectiveness of Averintsev's approach and the correspondence of the methodological vector given by him to the specific study of one of the basic symbols of Russian spiritual culture — Sophia the Wisdom. The concept of a symbol in Averintsev's representations turns out to be not just a universal unit of aesthetics, but also a method of Christian thinking that expresses its dogmatic basis. The essence of the phenomenon of the “symbol” turns out to be the “conjugation” of the material and the otherworldly in the image of God's descent into the world, that is, it corresponds to the Chalcedonian dogma. The composition and structure of the symbol, thus, sets a methodological and ethical norm for the humanitarian, philologist, culturologist, philosopher or theologian. As an illustration, the article provides an analysis of the article by S. S. Averintsev “To clarify the meaning of the inscription over the koncha of the central apse of Sofia of Kyiv”, which shows the relevance and fruitfulness of Averintsev's symbolology.

KEYWORDS: theology of culture, theological aesthetics, understanding, symbol, wisdom, Sophia, meaning, method, conjugation

FOR CITATION: Kroshkina L. V. (2024). “The symbol as a conjugation with the ‘most important’ or the question of Sergei Averintsev's ‘method’”. *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, v. 16, iss. 1, n. 49, pp. 232–246. https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_232.

Рассуждать о *методе* С. С. Аверинцева — непростая задача. Изначально следует оговориться, что мы используем слово *метод* в первоначальном значении — *путь* исследования (от др.-греч. μέθοδος — путь исследования или познания), *способ зрения*, в котором возможно выделить эпицентр и структуру действия познающего. Эпицентром в познавательном методе С. С. Аверинцева, на наш взгляд, является *символ*. О методе Аверинцева писали и пишут самые разные авторы: М. Л. Гаспаров [Гаспаров], А. Л. Доброхотов [Доброхотов], Е. М. Верещагин [Верещагин], К. Б. Сигов [Сигов], А. В. Марков [Марков], Г. Г. Квитков [Квитков], Ю. В. Балакшина [Балакшина], В. Поцци [Поцци], А. Б. Ковельман [Ковельман], Т. Г. Юрченко [Юрченко], Л. В. Крошкина [Крошкина] и др. В последние годы этой теме было посвящено немало конференций, семинаров и круглых столов¹. Наиболее последова-

1. Наиболее значимой, на наш взгляд, стала конференция «Слово, образ, символ. Метод С. С. Аверинцева в современной гуманитарной науке» (Санкт-Петербург, 20–21 февраля 2023 г.).

тельными и основательными трудами можно назвать работы О. А. Седаковой, и особенно ее статью — «Рассуждение о методе» [Седакова, 145–180].

Немецкий теолог и философ религии Пауль Тиллих, автор знаменитого труда «Теология культуры», подчеркивал, что всякий, «кто пользуется термином „символ“, должен обосновать свое собственное понимание этого термина» [Тиллих, 187]. О символе много говорили, говорят и будут говорить, но С. С. Аверинцев открывает в этом понятии новые нюансы, соединяя научный дискурс с богословским. Отметим, что программная статья «Символ художественный», на которую, в первую очередь, опирается данная работа, была опубликована в Краткой литературной энциклопедии в 1971 г. [Символ].

Постараемся раскрыть предложенную Аверинцевым концепцию символа, охарактеризовав его свойства, структуру и способы постижения. Вторая наша задача — показать метод ученого в действии на примере его статьи «К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской» [Аверинцев 2006а].

Многие исследователи отмечают излюбленный Аверинцевым методологический принцип «перекрестка» — выбора особых эпох, которые характеризуются пересечением культурных традиций и позволяют наблюдать за «сложнейшими процессами» их взаимодействия [Доброхотов].

Другой принцип методологии Аверинцева — «путь между» или «принцип золотой середины» — позволяет избежать крайностей, не отбрасывая их, но удерживаясь, по слову О. А. Седаковой, в «сопряжении полярных начал в их чистоте и неуступчивости» [Седакова, 136]. Оба принципа лежат в основании аверинцевского определения символа, выявляя главное — *встречу* и *сопряжение* несводимых начал:

Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, немислимые один без другого... но и разведенные между собой и порождающие между собой напряжение, в котором и состоит сущность символа [Аверинцев 2006б, 386–387].

Аверинцев фокусирует взгляд на символе как универсальной категории культуры (он говорил — эстетики), постижение которой для него отвечает главной цели гуманитарной науки — *пониманию* «не овеществляемой, но символически реализуемой в вещном» [Аверинцев 2006б, 389] человеческой сущности.

Границы понятия Аверинцев задает через сопоставление *символа* со смежными категориями *образа*, *знака*, *аллегории*, *мифа*. Базовой категорией является образ, о символе как о знаке Аверинцев говорит только в самом начале своей статьи: «Символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости... он есть знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа» [Аверинцев 2006б, 386].

В сопоставлении символа и знака рассуждения Аверинцева близки Тиллиху. Напомним, что слово «символ» греческого происхождения (*σύμβολον*) — это знак, опознавательная примета. Тиллих выявляет общее и отличительное свойства символа и знака. Общее состоит в том, что и символ, и знак указывают на реальность, которая «находится вне их самих», отличительное — символ «соучаствует» в этой реальности, а знак — нет [Тиллих, 187–188].

Это соучастие Аверинцев передает через категорию образа, обладающего в отличие от знака неисчерпаемой многозначностью, но «взятого в аспекте своей знаковости», т. е. не самодостаточном, но переносящем акцент с себя на вне лежащую в нем реальность, которую Аверинцев называет «глубинным смыслом» [Аверинцев 2006б, 386–387]. Символ всегда есть образ, но обретающий направленность во вне, все его стороны незримыми нитями ведут к иному, к той реальности, в которой этот образ соучаствует, которой он причастен. Такой образ, по Аверинцеву, становится прозрачным, он перестает быть исключительно тождественен самому себе, но «выходит за собственные пределы», обретая едва уловимые связи с нетождественным ему смыслом.

П. Тиллих этот смысл называет уровнем реальности, невыразимым иначе как символически. Наряду с этим, по Тиллиху, символ «обнажает скрытые глубины нашего собственного бытия», именно поэтому символы невозможно «преднамеренно» придумать, так как они «рождаются» и действуют, «если их примет бессознательное измерение нашего бытия» [Тиллих, 188–189]. Как символы невозможно придумать, так и невозможно удержать, символы способны *умирать*.

Возникает вопрос, как быть, если это умирание совершается на наших глазах или если оно уже совершилось? Возможно ли *воскрешение* символа? В секулярной культуре символическая смена закономерна, но как быть в религиозной, церковной? Например, насколько «говорит» сегодня символ «царство» и «царь», затрагивает ли он душевные глубины бытия современного человека? Этот символ — основа евангельской проповеди Царства Божьего

и христианского таинства крещения (перед крещением человек отвечает на вопрос о вере во Христа: «Я верую в Него как в Царя и Бога» [*Богослужение*, 38]).

В структуре символа два полюса: предметный образ, обладающий особым качеством прозрачности и связями с глубинным смыслом, вторым своим полюсом. Сущность символа — в *напряжении* между ними. Характерно, что смысловая составляющая структуры символа Аверинцевым рисуется как пересечение вертикали и горизонтали — смысловая глубина и смысловая перспектива (отметим, что визуально — это крест).

Возникает вопрос: всякий ли символ обладает такой траекторией и напряжением, всякий ли смысл обладает измерением глубины и перспективы? Об этом Аверинцев не говорит, но ученый утверждает, что содержание «подлинного символа» (значит, возможно существование неподлинного символа) «через опосредующие смысловые сцепления всякий раз соотносено с „самым главным“ (курсив мой. — Л. К.) — с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого „универсума“» [*Аверинцев 2006б*, 387]. Далее без пояснений о подлинности Аверинцев утверждает, что *любой* символ имеет смысл (иначе какой же он символ?), и это «обстоятельство» как факт «само символизирует наличие „смысла“ у мира и жизни» [*Аверинцев 2006б*, 387]. Иными словами, символ открывает возможность познания предельного смысла за счет особенностей своей структуры, он погружает «каждое частное явление в стихию „первоначал“ бытия» и открывает «целостный образ мира» [*Аверинцев 2006б*, 387].

Приведем пример, иллюстрирующий бессознательную связь символа с первоначалами бытия. Автору статьи известен пример ученого географа, который, объясняя своим воспитанникам происхождение мира, смог удовлетворить их бесконечные вопросы о том, что же было в самом начале, только символическим ответом: «В начале было Слово»^{*1}.

*1 Ин 1:1

Повторим: символ — по Аверинцеву — это *место встречи* явленного образа и тайного смысла, иначе как символически невыразимого. Суть его в сопряжении (это слово Аверинцева созвучно слову «напряжение») с «самым главным» [*Аверинцев 2006б*, 387], с глубинным смыслом, данным в неисчерпаемой перспективе (по Тиллиху — с глубинными уровнями реальности мира и реальностями нашей души).

Но символ не только место встречи, он сам — встреча, по нему узнают друг друга свои, символ — своего рода нарушение молча-

ния, выход тайны наружу, предложение в эту тайну войти. Он «сопргает» не только предмет и смысл, но и людей, «полюбивших и понявших этот смысл», отсюда его социальная функция — опознания и понимания «своих» [Аверинцев 2006б, 388].

Характерно, что Аверинцев, в отличие от Тиллиха, не выделяет в отдельный тип религиозные символы, которые у последнего имеют иную природу и раскрывают не просто уровни реальности, невыразимые иначе как символически, но — «основополагающий уровень, лежащий глубже всех остальных, уровень самого бытия, или предельной силы бытия» [Тиллих, 47]. Для Аверинцева любой подлинный символ (неподлинный, видимо, просто символом не является) обладает этой способностью.

В статье «Христианство» Аверинцев называет символ «универсальной формой христианского мышления и восприятия» и поясняет его в том же ключе, но на догматическом примере боговоплощения:

Не смешивающий предмет и смысл (как это происходит в язычестве) и не разводящий их (в духе дуалистической мистики или рационализма), но дающий то и другое «неслиянно и нераздельно». Схождение потустороннего — в посюстороннее, смысла — в предмет, Бога — в мир людей есть «кеносис»... как свободный акт любви и смирения со стороны Божества, дающий безусловную этическую норму для человеческого самоопределения в мире [Аверинцев 2000, 198].

Аверинцев дерзновенно соотносит символ с халкидонским догматом, утвердившим образ соединения в Лице Иисуса Христа двух природ — «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно» [Христианство, 154]. В других статьях, в частности, в тех, которые вошли в переизданный сборник «Римские речи», Аверинцев говорит об этом осторожно, но определенно, соотнося символ с церковными таинствами. Несмотря на то, что символ в изложенном выше значении «является для традиционного теологического дискурса не только инородным, но и едва ли приемлемым» [Аверинцев 2023, 119], Аверинцев ссылается на сирийскую мистику, в которой близкое ему понятие *gaza*’ являет единство значений — тайна, таинство церкви, премудрость, символ [Аверинцев 2023, 112]. Иначе говоря, символ — это сакраментальная реальность, особая «онтологическая сфера», где может произойти «парадокс встречи между трансцендентным и имманентным» [Аверинцев 2023, 103]. Впрочем, если внимательно прочесть статью «Символ

художественный», то можно увидеть, что в ней все эти значения символа обозначены.

Однако статья раскрывает и другой вопрос — как возможно постижение символа, его изучение, исследование, понимание. Сжато изложенная ретроспекция теоретического осмысления символа от античности до XX в. завершается хайдеггеровским «антианализмом», который возможно преодолеть в новой «позитивной теории символа, которая сумела бы вполне учесть его рациональные и внерациональные аспекты, не мистифицируя последних» [Аверинцев 2006б, 394]. Аверинцев формулирует такой метод постижения символа и символических систем.

Проблема в том, что в отличие от аллегории, смысл символа «не существует в качестве некоей рациональной формулы, которую можно „вложить“ в образ и затем извлечь из образа» [Аверинцев 2006б, 387], его не может понять чужой, он предполагает посвященность, погруженность в тайны и связи культурных контекстов. В отличие от знака, стремящегося к однозначности, символ стремится к многозначности, он имеет динамическую природу и «не дан, но задан» [Аверинцев 2006б, 388], его нельзя разъяснить, но лишь *пояснить*, как нельзя раскрыть до конца, добиться чистых понятий.

Смысл, тесно связанный с формой образа, не может быть из нее извлечен, несмотря на свою иную природу.

Многоуровневая структура символа требует специфической формы исследования — *истолкования*.

Для этого требуется целостное личностное усилие, которое Аверинцев формулирует через вненаучные глаголы: *вжиться* в символ, *входить* в смысловую перспективу. Требуется внутренняя активность познающего, самостоятельное свободное решение в расстановке акцентов. Итогом этого вникания станет построение интерпретации, представляющей новую символическую форму.

Аверинцев выделяет два уровня анализа, известные из феноменологии и герменевтики: *описание* предметного образа и *истолкование* различных слоев его символики. Первый уровень может (и должен) стремиться к последовательной «формализации» по образцу точных наук. Но второй уровень, истолкование, которое Аверинцев называет *символологией*, — является главным делом исследователя культуры, потому что ставит вопрос о собственно человеческой сущности, не овеществляемой, но символически реализуемой в вещном; поэтому отличие симвонологии от точных наук носит принципиальный и содержатель-

ный характер — ей не недостает точности, но она ставит себе иные задачи.

Если уровень описания совершается монологически, то истолкование, по мнению Аверинцева, возможно только в форме *диалога*. Исследователь вступает в диалог с символом, позволяет «его создателю апеллировать к нам» [Аверинцев 2006б, 390], быть собеседником в нашей умственной работе. Символ сам *смотрит* на нас, вопрошает к нам. Диалог — это еще и постоянное переспрашивание самого себя в процессе исследования.

Аверинцев отмечает две методологические опасности, нарушающие диалог — субъективный интуитивизм, со своим «вчувствованием», и поверхностный рационализм, гонящийся за мнимой объективностью. Неприемлемы для него вульгарно-социологический и психоаналитический подходы к символу как попытки банализировать символ путем внехудожественных методов анализа [Аверинцев 2006б, 390].

В качестве примера действенности метода Аверинцева рассмотрим его работу «К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской».

Исследовательский вопрос ставится одновременно узко и широко. Здесь мы видим то, что О. А. Седакова называла анализом в большом контексте.

Узко: ставится задача понять символ «София», что он мог означать в 1037 г., когда ему был посвящен храм в Киеве. Здесь же ставится вопрос: каков смысл греческой надписи над центральной апсидой. Все это ради того, чтобы понять *связь* символов София, Богоматерь, город, стена. Нельзя не отметить, что узость поставленной задачи парадоксально широка.

Широко: следует разобраться в чрезвычайно долгой и сложной предыстории этих символов, понятий, идей и мифологем.

Здесь же следует *оговорка* — *вопрос к себе*: можно ли для выяснения смысла памятника XI в. использовать факты «выше по течению», т. е. не включенные в изучаемую традицию. В рамках рассуждения об этом Аверинцев ставит *вопрос о традиции* (преемственности) и приводит три пространственных аргумента, почему он может использовать эти материалы, и внушительный вывод: это возможно и обоснованно.

Далее следует подробный и тщательный обзор предыстории символа Софии в греческой мифологии и поздней античности. Делаются выводы краткие и внятные, выделяющие четыре свой-

ства в мифологическом образе Богини, в скобках отмечается общность образов греческого и христианского символа. Так выстраивается связующая нить между традициями.

Затем Аверинцев подробно *поясняет* речение «софия» в *древнегреческой* литературе (у Гомера), отмечает связь софии и смысла. Итоги и вывод после итогов: в античности мудрость была лишена «личностных моментов» [Аверинцев 2006а, 557], несмотря на ее олицетворение в образе Афины.

Наконец, автор статьи обращается к *библейской* (древнееврейской) Софии, отмечая ее специфику и то, как складывался личный ипостасный облик Премудрости. Две предпосылки о принципиальном отличии между античной и ветхозаветной традицией даны пространно и строго рационально сформулированы как интелектуализм и персонализм.

Отмечается и поясняется связь понятия «София» с понятием *начало*, раскрывается *христианское* измерение понятий. Здесь можно отметить кульминацию статьи: концентрированное рассуждение о богословском христианском соотнесении лика Премудрости с лицами Святой Троицы, через которое перебрасывается мост к искомым символическим образам: Богородице, Церкви, священной христианской державе.

Автор глубоко вникает в каждый образ через пространственный рисунок смысловых граней как концентрических кругов, в результате чего становится ясно, *почему* храм Киева был посвящен Софии. Премудрость собирает земли, города, страны в централизованную сакральную державу, понимаемую как все христианское человечество, как священное государство, которое тоже есть ее «дом».

Новый итог («таковы смысловые грани древнего символа Премудрости Божией» [Аверинцев 2006а, 569]) является новым мостом к пояснению особенностей проекции многозначного символа Софии в молодую русскую христианскую культуру. С. С. Аверинцев возвращается к молитве Иллариона о Русской земле. В ней он фиксирует «весь круг софиологических мотивов» [Аверинцев 2006а, 573] и переходит к надписи в апсиде — цитате из 45-го псалма — и его связи с образом Оранты, которую автор детально рассматривает, используя наблюдения искусствоведа В. Н. Лазарева. Вглядывание в образ Богородицы-Оранты собирает все обозначенные уровни смысловой перспективы изученных символов.

«Мы подходим к концу», — так автор переходит к финальным двум абзацам, в которых «становится понятным» искомое значе-

ние храмовой надписи, как бы само открывающееся одновременно исследователю и читателю [Аверинцев 2006а, 578].

Итог итогов статьи подводится характерно для Аверинцева: *не закрывая* смыслы рациональной формулой, но предлагая каждый ответ *условно* (для этого использовано повторяющееся сочетание «но постольку, поскольку») — как подвижную мерцающую возможность высветлить ту или иную грань смысла, не сканируя ее раз и навсегда, не ставя окончательной точки. Слова надписи «ὁ θεὸς ἐν μέσῳ αὐτῆς» (Бог посреди нее/него) не означают, а «*имеют в виду*», как бы обретая дар зрения всех наработанных образов в многозначной смысловой перспективе:

- «Богоматерь, *но постольку, поскольку* (курсив здесь и далее мой. — Л. К.) она есть Градодержлица... Град, образ одухотворенного вещества, образ человеческой общности, воплощающей мировой смысл»;
- «церковную общину, *но постольку, поскольку* она устремлена к сопряжению небесного и земного»;
- «храмовое здание, *но постольку, поскольку* оно одновременно обращено к городу, сообщая ему смысловой устой и бодрю надежду на победу над видимыми и незримыми врагами»;
- «город, земной город Киев... *но постольку, поскольку* внутри его земного бытия осуществляется сверхземной устрояющий замысел — Премудрости» [Аверинцев 2006а, 578–579].

В заключительных словах статьи С. С. Аверинцев парадоксальным образом утверждает связь символа Софии-Премудрости с понятием символа как универсальной категории эстетики, культуры, христианского мышления. София-Премудрость для Любомудра первых веков христианства на Руси становится «материальной силой», которая, сопрягая «горнее» и «дольнее» в их взаимном движении, «позволяет сбыться духовному смыслу» [Аверинцев 2006а, 579].

Подведем итоги. Символ в методе Аверинцева — ключ к познанию и пониманию, он не просто единица культуры, но базовый принцип и метод христианского мышления, в своей действующей структуре являющий образ схождения Бога в мир. С. С. Аверинцев, утверждая символ формой христианского мышления и восприятия, апеллирует к прямой догматической цитате — халкидонскому догмату. Таким образом он утверждает, что суть культуры состоит в этом «сопряжении» материальных явлений с иномирными по принципу неслиянности и нераздельности. Тогда становится ясна цель научного гуманитарного исследова-

ния — это метод выявления глубинного смысла, т. е. подлинно «человеческого», символически выраженного в материальном, но к нему не сводимого, требующего последовательного вникания в это «сопряжение» видимого и невидимого. Отсюда традиция — это передача такого метода вникания, невозможная без живого диалога ее участников. Аверинцев в своих исследовательских трудах демонстрирует искомую теорию символа, которая, преодолевая поверхностный рационализм и антианализм, обладает качествами нового позитивного знания, учитывающего «рациональные и внерациональные аспекты» символа, сохраняющего его таинственность и таинственность, но избегающего мистификации [Аверинцев 2006б, 394].

Источники

1. *Аверинцев 2000* = Аверинцев С. С. Христианство // Он же. София-Логос. Словарь. Киев : Дух і літера, 2000. С. 194–203.
2. *Аверинцев 2006а* = Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Он же. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. София-Логос. Словарь. Киев : Дух і літера, 2006. С. 548–591.
3. *Аверинцев 2006б* = Аверинцев С. С. Символ художественный // Он же. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. София-Логос. Словарь. Киев : Дух і літера, 2006. С. 386–394.
4. *Аверинцев 2023* = Аверинцев С. С. Слово Божие и слово человеческое. Римские речи / Сост. Пьерлука Адзаро. Москва : Никея, 2023. 400 с.
5. *Символ* = Символ // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. Т. 6 : Присказка — «Советская Россия». Москва : Сов. энцикл., 1971. С. 826–831.
6. *Тиллих* = Тиллих П. Избранное. Теология культуры / Пер. с англ.; сост. С. Я. Левит, С. В. Лёзов. Москва; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 352 с. (Книга света).
7. *Христианство* = Халкидонский собор // Христианство : Энциклопедический словарь : В 3 т. Т. 3 : Т — Я. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1995. С. 154–155.

Литература / References

1. *Балакшина* = Балакшина Ю. В. Герменевтика Сергея Сергеевича Аверинцева: истоки, принципы, своеобразие // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. Вып. 32. С. 110–127.
Balakshina Y. V. (2019). “Averintsev’s Hermeneutics: Origins, Principles, Distinctiveness”. *The Quarterly Journal of St. Philaret’s Institute*, iss. 32, pp. 110–127 (in Russian).
2. *Богослужение* = Православное богослужение: в пер. с греч. и церковнослав. яз. Кн. 4 : Последование таинств крещения и миропомазания и др. чины воцерковления. Москва : СФИ, 2016. 192 с.
Orthodox worship: in the translation from Greek and Church Slavonic. Book 4 : The following of the sacraments of baptism and chrismation, and other orders of the Church. Moscow : SFI Publ., 2016 (in Russian).
3. *Верещагин* = Верещагин Е. М. Лингвотеологический анализ заветов С. С. Аверинцева в области перевода Евангелия на современный русский язык // Вера — диалог — общение: проблемы диалога церкви и общества : Памяти С. С. Аверинцева : Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 29 сентября — 1 октября 2004 г.). Москва : СФИ, 2005. С. 227–247.
Vereshchagin E. M. (2005). “Linguoteological analysis of S. S. Averintsev’s testaments in the field of translating the Gospel into modern Russian”, in *Faith — dialogue — communication: problems of dialogue between Church and society : In Memory of S. S. Averintsev : Proceedings of the International Scientific and Theological Conference (Moscow, September 29 — October 1, 2004)*. Moscow : SFI Publ., pp. 227–247 (in Russian).
4. *Гаспаров* = Гаспаров М. Л. Из разговоров С. С. Аверинцева // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 168–176.
Gasparov M. L. (1997). “From conversations of S. S. Averintsev”. *New literary Review*, n. 27, pp. 168–176 (in Russian).
5. *Доброхотов* = Доброхотов А. Л. Аверинцев как философ культуры // Аверинцевские чтения. Москва : Издательство МГУ, 2008. С. 58–67.
Dobrokhотов A. L. (2008). “Averintsev as a philosopher of culture”, in *Averintsev readings*. Moscow : Moscow State University Publ., pp. 58–67 (in Russian).
6. *Квитков* = Квитков Г. Г. Некоторые методологические аспекты работ С. С. Аверинцева // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 110–113.
Kvitkov G. G. (2013). “Some methodological aspects of S. S. Averintsev’s works”. *Bulletin of Tomsk State University*, n. 372, pp. 110–113 (in Russian).

7. Ковельман = Ковельман А. Б. Ницшеанские парадигмы в гуманитарных исследованиях: Деррида, Аверинцев и другие // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 18–30.

Kovelman A. B. (2017). “Nietzschean Paradigms in Humanities: Derrida, Averintsev, and the Others”. *Questions of Philosophy*, n. 2, pp. 18–30 (in Russian).

8. Крошкина = Крошкина Л. В. Аверинцев — проповедник // «Мы призваны в общение»: вызовы современной эпохи : Сборник докладов VII Аверинцевских чтений (Тверь, 23–24 ноября 2018 г.). Тверь, 2022. С. 78–88.

Kroshkina L. V. (2022). “Averintsev — preacher”, in “*We are called to communion*”: *Challenges of the modern era : Collection of reports of the VII Averintsev readings (Tver, November 23–24, 2018)*. Tver, pp. 78–88 (in Russian).

9. Марков = Марков А. В. Пути проблем: С. С. Аверинцев между аналитической и континентальной философией // Home Studia Humanitatis. 2023. № 2.

Markov A. V. (2023). “Ways of problems: S. S. Averintsev between analytical and continental philosophy”. *Home Studia Humanitatis*, n. 2, available at: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/markov_4.pdf. (09.08.2023) (in Russian).

10. Поцци = Поцци В. Культура как paideia. Сергей Аверинцев и Ольга Седакова: путь к современному христианскому гуманизму // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. Вып. 32. С. 67–87.

Pozzi V. (2019). “Culture as paideia. Sergei Averintsev and Olga Sedakova: Mapping Out a Path for Contemporary Christian Humanism”. *The Quarterly Journal of St. Philaret’s Institute*, iss. 32, pp. 67–87 (in Russian).

11. Седакова = Седакова О. А. Сергей Сергеевич Аверинцев: Воспоминания. Размышления. Посвящения. Москва : СФИ, 2020. 328 с.

Sedakova O. A. (2020). *Sergey Sergeevich Averintsev: Memoirs. Reflections. Dedications*. Moscow : SFI Publ (in Russian).

12. Сигов = Сигов К. Б. Архипелаг Аверинцева (к осмыслению эпохи «пост-атеизма») // София-Логос. Словарь. Киев : Дух і літера, 2000. С. 423–428.

Sigov K. B. (2000). “The Averintsev Archipelago. Towards understanding the Era of ‘Post-Atheism’”, in *Sofia-Logos. Dictionary*. Kiev : Dukh i litera, pp. 423–428 (in Russian).

13. Юрченко = Юрченко Т. Г. С. С. Аверинцев в гуманитаристике конца XX в. (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. 2022. № 3. С. 9–21. <https://doi.org/10.31249/lit/2022.03.01>.

Yurchenko T. G. (2022). “S. S. Averintsev in the humanities of the late twentieth century. (Review)”. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7 : Literary studies*, no. 3, pp. 9–21 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/lit/2022.03.01>.

Информация об авторе

Л. В. Крошкина, канд. культурологии, доцент кафедры истории и теории культуры,
Российский государственный гуманитарный университет.

Information about the author

L. V. Kroshkina, Cand. Sci (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of
History and Theory of Culture, Russian State University of Humanities.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023; одобрена после рецензирования 29.10.2023;
принята к публикации 29.11.2023.